

— Пиастры! Пиастры! — закричал Хрущев, мутно оглядывая выставочный зал. — Пикадоры! Писсуары! Папуасы!

Он чувствовал, что произносит не те слова, которые хотел. Однако то самое, нужное и единственно правильное, как назло выскочило из головы, и это раздражало первого секретаря ЦК еще сильнее. Приземистый, коренастый, с потной красной лысиной, Никита Сергеевич был переполнен злой энергией разрушения, требующей немедленного выхода наружу. В эти мгновения он напоминал гибрид носорога с работающим бульдозером.

Художники испуганно съежились и отступили на шаг. «Ну, теперь начнется цирк! — удовлетворенно подумал Суслов, стоящий в заднем ряду. — Всё по плану. Молодец Шелепин, не дал ему проспаться после вчерашнего. Сейчас наш дурачок наведет такого шороху, что мало никому не покажется...»

— Сам ты писсуар лысый! — послышался голос. — Разорался тут!

Из толпы художников неторопливо выбрался человек в свитере. Человек был такой же коренастый, как и первый секретарь ЦК, но только гораздо шире его в плечах, на полголовы выше и брюнет.

Хрущев опешил.

— Ты зачем на меня ругаешься? — удивленно спросил он.

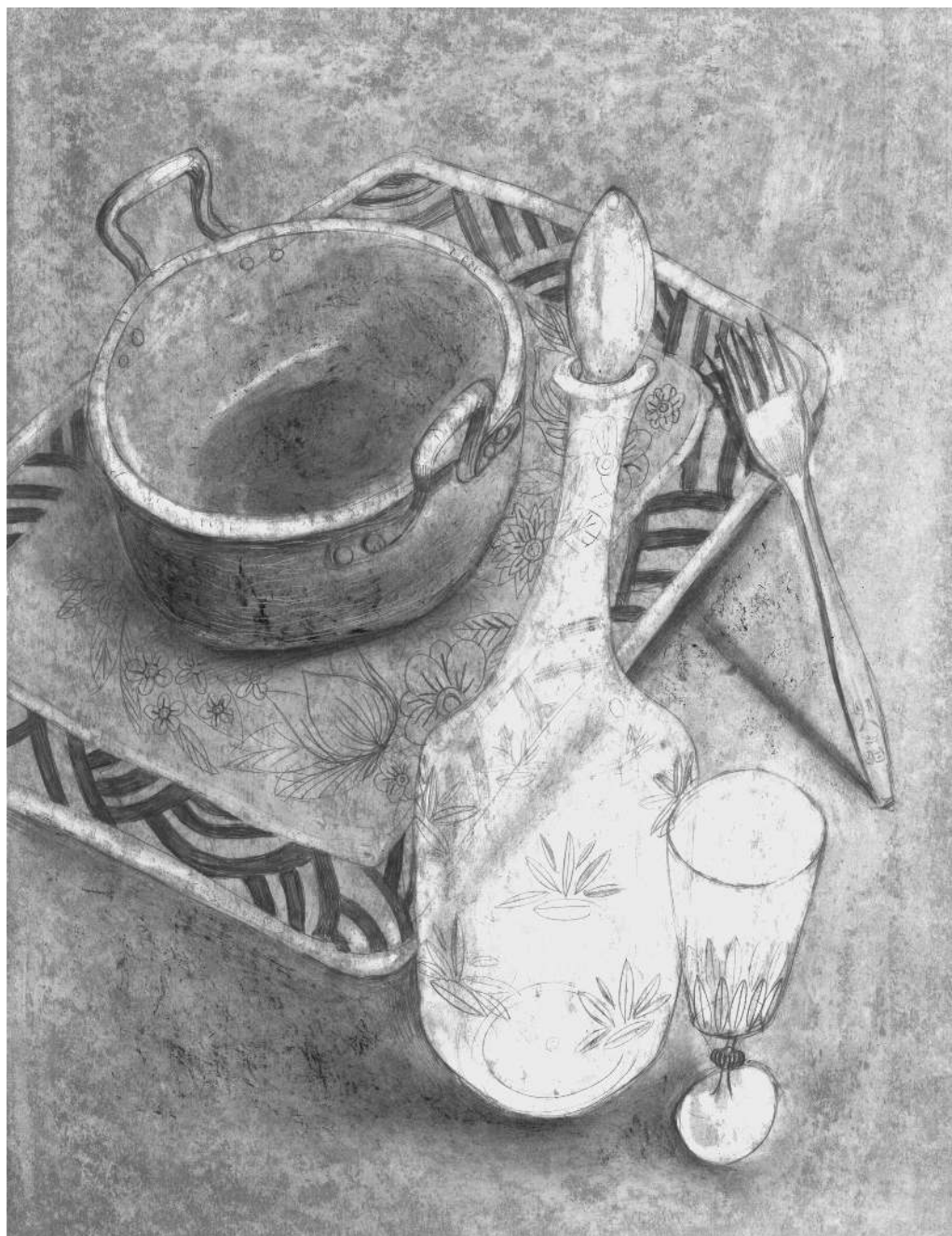
— Так ты первый начал, Никита Сергеич, — спокойно ответил ему коренастый.

— Это верно, — вздохнул Хрущев. — Я начал. С утра, понимаешь, голова раскалывается. Я раньше думал, это у меня с похмельюги, а врачи говорят: нет, это болезнь такая, редкая. Называется гемикрания. И, главное, когда обострится, пить нельзя.

— Врут, вредители! — авторитетно сказал коренастый. — Гони их прочь. Когда башка трещит, нет ничего лучше рюмки водки с горячей закуской.

— Да я пробовал, давно уж не помогает, — махнул рукой первый секретарь.

— А теперь — поможет, слово даю, — авторитетно пообещал брюнет. — Элик! Борька! Тащите сюда беленькую и харч! Человеку срочно надо поправиться!

Тут же из толпы выдвинулись еще двое. Один, высокий и бледный, со значком «30 лет МОСХ» в петлице черного пиджака, нес на подносике запотевший графинчик и рюмку. Другой — усатый, в очечках и красной цыганской рубаше навыпуск — тащил кастрюльку с сардельками и вилкой. В воздухе распространился аппетитный запах.

«Кто такие?» — тихо спросил Суслов у Шелепина. Тщательно продуманный план внезапно дал трещину. «Который в свитере — Неизвестный...», — ответил Железный Шурик. «Ну так выясните побыстрее, как его фамилия! — досадливо перебил его Суслов. — Вы КГБ или кто?» — «Это его фамилия и есть, — уточнил Шелепин. — Неизвестный, Эрнст. Тот, что со значком, — Белютин, а цыган с усами — Жутовский». — «И откуда у них взялась водка? Ты же обещал, что все входы и выходы перекроете». — «Да черт его знает! — пожал плечами председатель КГБ. — Не пойму. Как-то сама просочилась. Я на днях читал в журнале статью, что один наш академик открыл явление сверхтекучести. Может, это оно и есть?» — «Ты мне зубы не заговаривай, умник!» — Не сдержавшись, Суслов ткнул локтем в бок Шелепину. Ушибленный об Железного Шурика локоть тотчас же заныл.

Тем временем Хрущев налил себе рюмку, выпил, крикнул, налил вторую, выпил, снова крикнул, утерся рукавом, нацепил на вилку сардельку, прожевал, задумался на пару секунд, улыбнулся и повеселевшим голосом сказал окружающим:

— А что, товарищи, ведь и правда помогла! Ну-ка ведите меня, показывайте, чего вы тут новенького нарисовали. И объясняйте мне так, чтоб я, колхозник, сам всё понял... Вот эта, к примеру, баба, она тут кто?

— Это — обнаженная Валька художника Фалька, — объяснил Неизвестный.

— А почему у этой Вальки такие большие глаза?

— Чтобы лучше видеть наши достижения в области тяжелой промышленности.

— А почему она вся синяя?

— Потому что замерзла. Социалистический реализм. В Воркуте при культе личности Сталина было очень холодно. Помните же, в повести у Солженицына?

— Ага, припоминаю, — важно кивнул Хрущев. — Я и сам вижу, что правильная, жизненная картина... Эй, Суслов, где ты там? Запиши, чтобы автору этой Вальки дали Героя Соцтруда... Что, он уже умер? Тогда посмертно... и пенсию вдове... А вот на этой картине яйцо — зачем оно такое? Почему двойное? Таких ведь в жизни не бывает.

Услышав эти слова, Суслов воспрянул духом и сделал знак Сергею Павлову.

— Не бывает, не бывает! — подхватил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Павлов. — Никита Сергеевич, я давно говорил, это иностранное вражеское явление формализм! Надо его разоблачить, а художника срочно, немедленно...

Неизвестный так зыркнул на главного советского комсомольца, что слова «арестовать» и «выслать из страны» застряли в гортани Павлова.

— ... поощрить, — закончил за него Неизвестный. — Я тоже так думаю, Никита Сергеевич. Надо дать Госпремию. Это картина товарища Соостера, из Эстонии. Двойное яйцо символизирует победу советского птицеводства. Так сказать, догоним и перегоним Америку... А дальше «Атомная станция» художника Янкилевского. Очень правильная картина. Отражает успехи наших энергетиков...

— А почему здания похожи на квадратики? — не своим голосом пискнул Павлов.

— Потому что вид сверху, — строго объяснил Неизвестный. — Товарищ Янкилевский соблюдает режим секретности, и правильно делает. Уже за это его обязательно надо представить к награде. Верно я рассуждаю, а, Никита Сергеевич?

— Верно! — подтвердил Хрущев. — Составьте список, всех наградим. Знаете, мне нравится это ваше новое искусство. Раньше я не очень понимал, что такое социалистический реализм, но вы мне объяснили, и я понял, спасибо большое...

Суслов тихо чертыхнулся и выбрался из толпы, не дожидаясь окончания встречи. Его план не просто провалился: он привел к результатам, прямо противоположным задуманному. Теперь надо побыстрее реагировать, изгибаясь вместе с новой линией партии. Иначе найдутся желающие обвинить его самого в саботаже...

Несмотря на поздний час, в центре Москвы бурлила жизнь. Спешно собралось правление МОСХа, чтобы выписать организаторам выставки почетные грамоты и крупные денежные премии. В редакции газеты «Известия» торопливо переверстывали первую полосу. Главный редактор Алексей Аджубей бдительно следил, чтобы набор статьи «Грубая мазня» был рассыпан до последней буквы и срочно набран другой материал — «Передовики советского авангарда».

В ту же ночь писателя Владимира Дудинцева разбудил звонок в дверь. На пороге стоял режиссер Григорий Чухрай.

— Вовк, ты не поверишь, — закричал он, — мы завтра же запускаемся с экранизацией твоего романа «Не хлебом единым»! Вот договор, давай скорей подписывай, пока там наверху не передумали.

— А что, могут? — поинтересовался Дудинцев.

— Да черт их поймет! — пожал плечами Чухрай. — У них семь пятниц на неделе. Сегодня вроде была выставка авангардистов в Манеже, Хрущев вдрут похвалил, и теперь все начальники бегают, как наскипидаренные — проявляют инициативу. Соревнуются, кто из них будет либеральнее. Говорят, час назад Сафронова пинком турнули из «Огонька». Журнал теперь возглавит сам Исаич. И он вроде уже попросил у Анны Андреевны врезку к подборке неопубликованных стихов Гумилева...

Еще полчаса спустя зазвонил телефон в квартире Бориса Пастернака.

— Борис Леонидович, вы живы-здоровы? — спросил незнакомый женский голос. — Вот и отлично, поздравляем, сейчас с вами будет говорить член ЦК Семичастный.

Через секунду в трубке возник баритон, исполненный глубокой печали:

— Товарищ Пастернак, и я лично, и всё наше ЦК глубоко сожалеют о допущенной в отношении вас трагической ошибке. Мы просим у вас прощения. Сами знаем, что культурки у нас в кадрах не хватает. Это не ваша вина, а наша беда. Пожалуйста, завтра же, не откладывая, известите Нобелевский комитет о том, что вы соглашаетесь принять их замечательную премию.

— А... — начал было Пастернак.

— А ваш прекрасный роман мы, конечно же, опубликуем. Вы хотите сразу отдельным изданием или сперва журнальный вариант, в «Новом мире»? Если надо, мы предупредим товарища Твардовского. В любом случае аванс вы можете получить уже завтра. А когда выберете время, заходите, эдак без церемоний, к нам в ЦК. Первый секретарь примет вас в любое время и без очереди...

Между тем на другом конце Москвы трое седлали коней. Ночь содрала с этой троицы фальшивые обличья. Тот, кто сегодня был в дешевом свитере, оказался в черном плаще, в берете и при шпаге. Бледный рыцарь со значком МОСХа обрел клетчатый костюм, пенсне и глумливую ухмылочку. У цыгана в красной рубахе отрос пышный хвост, а его усы из человеческих превратились в кошачьи.

— Гениально исполнено, мессир! — мурлыкнул тот, кто притворялся Жутовским. — И все же меня кое-что беспокоит. Стоило ли нам вмешиваться в ход истории?

— Считаю это моим капризом, но я гуманист, — ответил ему черный плащ. — Я люблю здешних людей. Они — часть той силы, которая вечно хочет блага и которой всегда чуть-чуть не хватает удачи. Они готовы броситься в бой на амбразуру, но в мирной жизни робеют перед властными ничтожествами. Художники, заметь, еще — лучшие из творцов, но даже им без помощи нечистой силы в этой стране не справиться никак... Ну, полетели...

А Пастернак после телефонного разговора с Кремлем всё не мог заснуть. Подойдя к окну, он беспокойно вглядывался в темноту за стеклом. То ли ему почудилось, то ли он на самом деле вдруг увидел тени трех всадников, пролетающих в ночном небе? Поэт торопливо распахнул форточку и вдохнул весенний воздух. Странно, — с легким удивлением подумал он, — откуда здесь взялась весна, когда на календаре декабрь? Хотя, наверное, прежние календари уже отменены. Но тогда какое тысячелетье на дворе? Эх, жаль, спросить не у кого...